

**ЛИАМ
ФАРРЕЛЛ**

ВЫ ТОЧНО ДОКТОР?

**ИСТОРИИ
О СЛОЖНЫХ ПАЦИЕНТАХ,
СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЕ
И СИЛЕ ЮМОРА**

МИО

Лиам Фаррелл
Вы точно доктор?
Истории о сложных
пациентах, современной
медицине и силе юмора
Серия «МИФ Здоровый образ жизни»
Серия «Сердце медицины»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67177403

Лиам Фаррелл. Вы точно доктор? Истории о сложных пациентах, современной медицине и силе юмора: Манн, Иванов и Фербер; Москва;

2022

ISBN 9785001950523

Аннотация

Более 20 лет Лиам Фаррелл работает врачом общей практики в отдаленной сельской местности в Ирландии и пишет статьи и колонки для самых авторитетных медицинских изданий Великобритании. Это сборник рассказов, в которых Лиам Фаррелл, в лучших традициях Булгакова и Чехова, со свойственными ему пронизательностью и юмором описывает

будни врача, стоящего на переднем крае медицины, рассказывает о своих пациентах и случаях из практики.

Эта книга не оставит равнодушными поклонников медицинских сериалов и всех, кто хочет больше узнать о буднях представителей одной из самых гуманных и самых сложных профессий.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Введение	7
1. Зависимость: сомнительное удовольствие, вина и боль	9
2. Любовь и секс	28
3. Рождение и семья	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Лиам Фаррелл

Вы точно доктор?

Истории о сложных пациентах, современной медицине и силе юмора

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Liam Farrell 2018 All rights reserved. Published by arrangement with Rights People, London and The Van Lear Agency. First published in 2018 by Dalzell Press.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

*** * ***

Посвящается Брид, Джеку, Кэти, Грейси и Кoko

Еще я хотел бы посвятить эту книгу покойной медсестре Лорне Марки. Я работал с ней двадцать

лет, и она знала наших пациентов и всех их предков,
потомков и родственников лучше любого врача. Она
была дерзкой и храброй, но неизменно доброй; *ar
dheas Dé go raibh a anam*

Введение

Стюард авиакомпании Ryanair уже едва ли не с отчаянием пытался всучить мне лотерейный билет, но от этой яркой желто-голубой карточки меня тошнило. И вообще она оскорбляла мои чувства. Только Ryanair умеет превратить чудо в шлак – да, я считаю чудом, когда почти сотня тонн металла поднимается в воздух, а потом благополучно приземляется.

Компании Ryanair такой треш удастся лучше, чем остальным, хотя на самом деле виноваты мы все: принимаем научные открытия как должное, а потом жалуемся, когда наука не может дать ответы на любые вопросы. И, конечно, вина за эти ожидания полностью лежит на нас.

Для большинства пациентов, которых я ежедневно вижу в операционной, холодная наука, равно как и холодный расклад, мало что значит. Ведь тому, что мистер Спок не управлял медицинской службой на «Энтерпрайзе», было веское объяснение. С этой задачей куда лучше справлялся эмоциональный ранимый Мак-Кой, к тому же у него была специальная маленькая штучка для диагностики болезней.

От науки требуют, чтобы она решала проблемы. Однако часто мы, врачи, на самом деле не знаем, в чем они состоят и у кого возникают. Ни один учебник по медицине не дает представления о таких невнятных и тонких вещах.

Мы, врачи, живем на грани неопределенности, пляшем на острие ножа. Наука ведет нас только до определенного предела, а затем на карте появляются белые пятна и навигатор отказывает, уступая место интуиции, воображению и велению чувств. К счастью, это мощное оружие – из «Преступления и наказания» Достоевского я узнал о человеческом разуме больше, чем из любого руководства по психиатрии.

Каждый из нас хоть раз в жизни страдал, поэтому мы сопереживаем, глядя на автопортрет Ван Гога: у художника и зрителя есть общий опыт – точно так же находят взаимопонимание врач и пациент. В отличие от холодных и огромным трудом давшихся истин фундаментальной медицины, здесь все расплывчато и неопределенно: что-то приходится осваивать на горьком опыте, чему-то научить нельзя, что-то требует сочувствия и эмпатии. А теперь посмотрю-ка я на закат – от этого мне всегда хочется плакать, особенно когда лечу домой рейсом Ryanair.

1. Зависимость: сомнительное удовольствие, вина и боль

Надеюсь, эта книга доставит вам радость, однако в первой главе будет не до смеха¹. Здесь вы испытаете только боль и вину. Возможно, эта глава заставит вас под особым углом посмотреть на все, что вы прочитаете дальше. Сатира способна взывать о помощи, вопить из-за подавленной боли, часто ее питают страхи и неуверенность. И муза комедии не приемлет трагедию в той же степени, в какой муза трагедии принимает ее.

Не знаю, с чего все началось. Я мог считать себя счастливым. У меня была стабильная работа с полной самореализацией. А еще жена и трое детей, которых я очень любил и которые очень любили меня. И много друзей. И дом – полная чаша.

Я много трудился, чем дальше – тем больше. Дежурил ночь через ночь, был автором статей в четырех журналах (причем читательские аудитории у них различались) и начал издавать собственную медицинскую газету. Кроме того, я вел нескольких аспирантов, изучающих уход за смер-

¹ Редакция сочла возможным оставить этот рассказ, поскольку автор выражает отрицательное отношение к потреблению наркотических средств и указывает на опасность их потребления.

тельно больными, читал лекции, а также несколько лет писал о вопросах применения морфина в медицине и о том, что из-за опасений медиков побочных эффектов пациенты могли не получать необходимое обезболивание.

Но все это не причины, а лишь предыстория.

Я совсем не помню, как впервые сделал себе укол морфина, хотя этот катастрофический момент и стал поворотным в моей жизни. Как-то где-то я решил, что, опробовав его на себе, пойму, как он работает. И усвоил этот урок на собственном горьком опыте.

Я не стал другим человеком. Скорее, на поверхность вышло все то первобытное и темное, что обычно прячется внутри. Совесть, мораль, уважение к другим – все это расплозлось лоскутами ради одного-единственного краткого мига. Это было тяжелое время, но еще тяжелее пришлось Брид и тем, кто заботился обо мне.

Несмотря на карьеру писателя, у меня не было желания рассказывать о своей зависимости, и эта глава – моя единственная попытка. Однажды вечером я написал ее в один присест – предупреждение другим и напоминание самому себе, какой это ужасный, убогий, эгоистичный мелкий грех.

Вена горделиво набухает. На нее приятно смотреть, она манит. Жгут тугой ровно настолько, насколько нужно. Шприц ждет на прикроватном столике, затаившись, как акула. Новая игла с оранжевой канюлей ловит промельк света,

серебряный отблеск ожидания. Игла жаждет оказаться в вене. Когда в сети пагубной зависимости попадает врач, у него, как правило, всегда под рукой новые чистые иглы, и он не думает о риске заразиться ВИЧ, гепатитом В или С. Новые иглы не затупятся. Чтобы набрать лекарство в шприц, я беру длинную иглу с зеленой канюлей. Для инъекции подойдет игла потоньше, с оранжевой канюлей.

Рядом со шприцем, точно зловещий маленький предвестник конца, лежит пустая упаковка подготовленной смеси. Сочетание синего и красного на ней – словно маяк. Когда я вижу эти цвета, в голове звенит тревожный колокольчик. Если бы такая коробочка лежала на обочине дороги в полутора километрах от меня, я бы сразу ее заметил. В данный момент мне и дела нет, что это моя последняя доза. Будущее и цена, которую мне неизбежно придется заплатить, не имеют значения. Я живу настоящим. И все сейчас сосредоточено вокруг моих препаратов.

Использованные упаковки от игл, ампул и шприца лежат аккуратной кучкой. Я надеваю защитный колпачок на иглу с зеленой канюлей и ставлю ее рядом с пустой ампулой. К ним надо отнестись как можно внимательнее: выброшенные иглы могут оказаться где угодно, а ампулы легко бьются, оставляя крохотные, но острые осколки. Мусор нужно держать вместе, чтобы потом тайком от него избавиться. Секретность превыше всего, никто не должен знать или даже подозревать об этом. Если ждать, пока все не использую, велик риск за-

быть, поступить слишком небрежно и оставить улики. А я не хочу вопросов, не хочу проблем, не хочу крепкой любви, не хочу заботливых людей рядом. Я хочу наркотик.

Повсюду тишина, двери закрыты, шторы задернуты, весь свет выключен, кроме прикроватной лампы. Она достаточно яркая, чтобы видеть, что я делаю, – эдакий маленький островок света в мире, который я создал для себя, в мире теней и саморазрушения. Я в доме один, как и планировал. В этом нет никакой романтики, никакой драмы, ни героинового шика, ни великой страсти, ни мучительной артистической уязвимости. Это просто эгоистичный, продажный, лживый, убогий порок одиночки.

Я слегка перекаत्याю вену указательным пальцем, проверяя, насколько она упруга. Даже нет, не так – не просто проверяю, а наслаждаюсь ее упругостью. Вена, которую вы чувствуете, надежнее той, которую вы видите. Она приятно набухает, она чувственна и легко доступна. Мало шансов не попасть в такую вену и допустить, чтобы лекарство разлилось под кожей. В этом случае остается болезненный и видимый синяк. Выбранная мной вена – на внутренней поверхности правого предплечья. Поскольку я правша, лучше было бы колоть в левую руку, но после нескольких месяцев инъекций крупные вены на ней ушли внутрь, а те, что пока видны, тонкие как ниточки, не слишком-то удобные. У меня еще есть несколько подходящих участков вен на тыльной стороне левой кисти, и найти их легко, вот только следы будут слиш-

ком заметны. Вены на кистях рук подождут момента, когда мое отчаяние усилится. Их время придет, и очень скоро.

С правым предплечьем двойная неловкость: мало того что мне придется держать шприц в более неуклюжей левой руке, так еще и кожа на внутренней поверхности правой бледнее – если что-то пойдет не так, и следы будут ярче, и синяк гуще. Я и в лучшие времена был бледным, а за месяцы регулярных уколов и вовсе превратился в призрака. Видел тут недавние фотографии – потусторонний, как привидение.

А вот эта вена вроде бы ничего: и просматривается хорошо, и прощупывается легко. К тому же она рядом с соединением вен, и это обычно означает, что она плотно прилегает к подкожным тканям и не должна слишком сильно двигаться. Вены порой капризничают, словно наделены разумом. Иногда кажется, что они намеренно уклоняются от иглы. Правда, левой я уже орудую лучше – уверен, что в сосуд попаду без особого труда.

Даже если поставлю синяк, всегда могу надеть одежду с длинными рукавами. Кому вообще придет в голову в чем-то меня подозревать и зачем людям ни с того ни с сего разглядывать мои руки? Это не их дело. Проблема моя, и только моя, и я сам с ней справлюсь. Кем они себя возомнили, вмешиваясь в мою жизнь? Они что – идеальны? Их никто не спрашивал.

Я поднимаю шприц, смотрю на просвет прозрачную жидкость. Щелкаю по нему пальцем, чтобы избавиться от пу-

зырьков воздуха. Они не опасны, просто это еще один маленький ритуал. Проверяю иглу: кончик у нее скошен, и я хочу, чтобы более длинная часть скоса оказалась снизу. Тогда меньше вероятность, что игла пройдет через вену и выйдет с другой стороны. Я укладываю ее вдоль вены и ввожу внутрь. Игла проникает сквозь кожу легко и безболезненно, лишь мгновенное сопротивление в подкожных тканях – и я уже чувствую, как она прокалывает стенку вены. Я отвожу шприц чуть назад – хочу убедиться, что я в вене. В подтверждение этого в шприц проходит немного темной крови, и в прозрачной жидкости вьется красный шлейф.

Иногда, даже когда я уверен, что попал куда надо, в шприце оказывается только тонкая струйка крови. Это может означать, что игла вне вены, например прошла насквозь. А может быть, в вене небольшой просвет, и я могу двигаться вперед. И тут нужно срочно принять решение. Пытаться ли ввести препарат? Если я сделаю это, когда игла не в вене, то почувствую сопротивление, лекарство пойдет туго, и я увижу маленькую впадинку в месте укола, мизерный и ненавистный признак проблемы – задержки инъекции. Тогда выбора уже не будет, и мне придется вытащить иглу. Попадая в мягкие ткани, морфий причиняет боль и оставляет большой синяк. Я потеряю часть лекарства. Эта ужасная ямка означает обломанный кайф. Здравый смысл подсказывает немедленно остановиться и начать все сначала: отступить от ритуала, набраться терпения, вынуть иглу, надавить на место укола,

чтобы остановить кровотечение и уменьшить кровоподтеки, проявить благоразумие, проделать все заново, найти другую вену. Но когда я так близок к цели, это трудно, ведь наркоманы нетерпеливы. Я хочу наркотик сейчас.

К тому же, если мне придется пробовать еще раз, есть опасность, что кровь, попавшая в шприц, свернется там, и я потеряю препарат. Внезапно я впадаю в панику. Быстро решай, перелить ли лекарство в запасной, припасенный заранее шприц, поскольку сгусток, скорее всего, образуется в носике, но тогда я могу упустить часть лекарства при переливании – немного, но я не хочу утратить ни капли. Быстро – снова наложить жгут, быстро, быстро, найти другую вену, где-нибудь, пусть на запястье, пусть будет синяк, пусть все видят, быстро, быстро, это уже не та расслабленная и приятная на ощупь вена, которая мне так нравилась несколько минут назад. Я вытаскиваю иглу – с нее может капать кровь, оставляя пятна на постельном белье и рубашке. На всякий случай я обычно ношу темную одежду, но проблема промокнуть кровь салфеткой сейчас не самая главная. Я бросаю иглы на пол – не забыть бы потом их найти. Мне нужно отыскать вену и сделать укол, прежде чем потеряю препарат, и что бы я ни делал, этого не должно произойти. В такой панике у меня могут возникнуть проблемы с поиском вены. Возможно, придется предпринять несколько попыток в нее войти, раз за разом отчаиваясь все сильнее, и повсюду будут кровь, разбросанные иглы и окровавленные салфетки. Иногда я вты-

каю иглу почти наугад, туда, где, по моему мнению, должна быть вена, должна же она быть где-то там – но там ее нет, и каждая попытка оставляет кровавый синяк.

Но на этот раз я уверен. Кровь свободно и легко прилила в шприц. Никаких сомнений: я в вене.

Все готово. Завершение моего тщательно разработанного плана – дойти до этого момента. Называйте меня наркоманом Павлова. Я достаю новую упаковку, аккуратно раскладываю принадлежности. Я один, и никто меня не потревожит. Собираю все необходимое: жгут, надежный, – не расстегнется, когда я его затяну, и легко снимется, когда игла будет в вене; два шприца на два кубика – запасной на случай, если промахнусь и в первый угодит сгусток крови; две иглы с зелеными канюлями и пять или шесть с оранжевыми; салфетки, желательно темные, или, если их нет, темное полотенце. Закрываю дверь, накидываю жгут петлей на руки и крепко стягиваю, видя, как выступает вена. Прикасаюсь к ней, чувствую ее. Вынимаю ампулу из упаковки, вскрываю, вставляю иглу в шприц, ощущаю скрежет длинной иглы по стеклянному донышку, вытягиваю лекарство.

Я пробовал колоть другие препараты, которые не дали бы кайфа, и мне об этом было известно.

Даже когда не собираюсь колоть, я ловлю себя на том, что рассматриваю вены на запястье и предплечье, задумчиво потираю их пальцами. Более того, я замечаю вены у других. Даже когда выпиваю с друзьями, смотрю, у кого они выступают.

Вероятно, отчасти (хотя и в очень малой степени) это может быть и последствием того времени, когда, будучи студентом медицинского, я учился устанавливать внутривенный катетер. Я мгновенно вычисляю пациента с толстыми выступающими венами, похожими на канаты, а вот у человека с пухлыми руками попадание в вены, погребенные под слоем подкожного жира, может быть проблемой.

Снимаю жгут и медленно выжимаю поршень до упора. Препарат входит легко, без всякого сопротивления, которое могло бы означать, что я не совсем попал в вену.

Теперь надо действовать быстро. Не хочу, чтобы какие-то внешние раздражители помешали довести дело до конца. Движения отработанные: я резко выдергиваю иглу, отбрасываю шприц – подниму его позже, сейчас нет времени аккуратно его откладывать. Крепко прижимаю к месту укола темно-красную бумажную салфетку, держа ее в левой руке. На белой крови была бы слишком заметна, и, возможно, будет неловко и трудно это объяснить. Сильное сжатие ограничит локализованные кровоподтеки, и место инъекции станет сложнее увидеть, если кто-то решит его отыскать. Какой-то след, я надеюсь, что не слишком явный, неизбежно останется, но, поскольку все прошло гладко, через несколько дней он должен исчезнуть. Кроме того, если сильно надавить, то вена останется видимой и доступной для будущего использования, поэтому, я аккуратно прижимаю салфетку.

Снимаю очки, выключаю свет, ложусь на спину и закры-

ваю глаза. Один во тьме, внутри пузыря, лишённого света и шума, я жду.

Через несколько секунд чувствую, как небольшое покалывание поднимается по правой руке, затем меня словно обдаёт волной. Кажется, что её источник – глубоко в груди. Она откатывается так же быстро, как накатывает. Вот и все, конец.

Все закончилось. Хотелось бы мне повернуть время вспять на несколько секунд. Я неудовлетворен, как будто обманут. Все получилось не так, как я надеялся, потому что с прошлого раза прошла пара-тройка часов.

Я немного успокаиваюсь, но не до конца. Сейчас я мог бы идти по улице, здороваться с людьми, поддерживать привычные разговоры, и даже те, кто хорошо меня знают, вряд ли заметили бы серьезные изменения во мне. Жена все знает, но никаких требований предъявить не может – любые такие попытки я принимаю в штыки.

Наркотик делает меня вялым, я как будто бы завернут в вату. Морфин сушит. Во рту пустыня, в носу не хлюпает, кишечник не активен, мочиться трудно, эрекции нет. Тело зудит, нужно почесаться.

Но даже на этой стадии, уже почти через несколько минут после укола, практически сразу, реальность начинает вновь меня затягивать. Туман рассеивается. Теперь я начинаю нервничать и хочу избавиться от улик. Встаю и первым делом ищу на полу поспешно отброшенный шприц. Для это-

го нужно включить лампы на стене – на маленькие кучки мусора обрушивается резкий безжалостно-яркий свет. Я стою моргая, но шприц на этот раз легко найти: воткнулся в ковер, точно дротик. Иногда мне везет чуть меньше: шприцы прячутся под кроватью, за книгами, и на то, чтобы их отыскать и выудить оттуда, уходит несколько тревожных минут. Иногда я не нахожу их, и они лежат в засаде, как хищники, выбирая момент для появления.

Я собираю все причиндалы, упаковку и острые предметы, чтобы положить в безопасное место и избавиться от них позже. Бумажный мусор можно выбросить и в ведро – поместить на дно, замотав в полиэтиленовый пакет. Иглы и пустые ампулы через пару дней отнесу в операционную, там есть специальный ящик для острых предметов – потом их безопасно утилизируют. Я снова внимательно осматриваю пол. Надо убедиться, что ничего не упало. Часто я что-то упускаю и оставляю улики: упаковку от шприца, окровавленную салфетку, головку ампулы, случайно оброненную иглу. Если были проблемы с поиском вены, то, возможно, пришлось использовать четыре-пять игл, и тогда в панике из-за спешки легко сбиться со счета и не найти одну.

Я все яснее осознаю, что израсходовал последнюю ампулу. Конечно, это было понятно и раньше, но я избегал думать о страшном дне.

Запасов препарата больше нет, так что ломка неизбежна. Через симптомы отмены морфина я уже проходил – бесче-

ловечный опыт. Конечно, я читал о них и понимал, что приятно не будет, но к такому чудовищному процессу оказался не готов, и необходимость пройти через него снова пугает. Теоретически я знаю, что абстинентный синдром должен начаться только через шесть-восемь часов после последней дозы, но страх ломки так силен, что дискомфорт ощущается гораздо раньше.

Мне не удастся успокоиться задолго до появления симптомов. Я знаю, что должно произойти, эти мысли грузом нависают надо мной. Кажется, будто мир стал серым, я начинаю мерзнуть и потеть. Чувствую сквозняк из окна – просто сквозняк, от такого и нормальный человек будет зябнуть, но для меня он имеет большее значение. Он значительнее, чем просто сквозняк. Я дрожу, потому что действует эффект отмены? Теоретически мне известно, что до нее еще несколько часов, но знание не помогает. Кожу покалывает, волосы встают дыбом – так вот почему это называется ломкой! Или, может, мне просто кажется, что я начинаю себя так чувствовать? Может, это мой страх играет со мной злые шутки? Нет никакой защиты. Мне страшно и одиноко, я перед лицом надвигающейся бури, и это все моя вина, моя работа. Я задыхаюсь от страха.

У меня есть лекарства, которые теоретически должны принести некоторое облегчение. Но по прошлому опыту я знаю, что они почти не помогут.

С каждым часом симптомы усиливаются. Теперь они

несомненны и сопровождаются болью в мышцах, спазмами в животе, диареей и усталостью. Мне то холодно, то сразу жарко, кожа зудит, чешется и саднит – не притронешься, как будто я обгорел. Из носа постоянно течет, глаза слезятся. Я уже промокал их бумажной салфеткой, и скоро они покраснеют и начнут кровоточить. Смотрю на себя в зеркало: лицо белое, кроме щек – они пылают, а на лбу застыли капли пота.

Но меня захлестывает тревога. Тревога и страх. Я точно дрожащая струна, ни минуты не могу сидеть, постоянно вскакиваю. И как только встаю, снова приходится садиться. Я пытаюсь лечь в постель, но не могу удобно устроиться, мечусь и ворочаюсь каждую секунду, минуту, час. Простыни кажутся грубыми и неприятно ощущаются кожей, от пота они стали влажными и вонючими. И я знаю, что так будет продолжаться еще по крайней мере двое суток. «Всего сорок восемь часов, всего два дня, – уговариваю я себя. – Не так уж и много. Пожалуйста, пусть минует меня чаша сия». Я болел раньше, у меня бывали травмы, случались плохие времена, и мне хватало сил справиться с ними, втянуть голову в плечи и бороться дальше. Но ничто и никогда не убивало меня так, как ломка, ничто и никогда так не пугало, не лишало сил, ничто так не подавляло желание сопротивляться. И выхода нет, не существует никакой возможности избежать этого состояния.

Чудо произошло бы, если бы я принял еще дозу, и она мгновенно облегчила бы все симптомы. Но у меня нет дру-

гой дозы, и уже слишком поздно, чтобы колоть еще. А если бы у меня и был препарат, это лишь отсрочило бы испытание. За зависимость приходится платить сполна. Я тщательно готовился к процедуре, а последствия ее тянутся долго и мучительно. Это сделка, не имеющая смысла, глупый поступок, своего рода безумие. Я танцую между лезвиями, и одно из них мягкое и желанное, а другое – жесткое и горькое. Они оба оставляют глубокие раны и каждый раз забирают куски души. Я слишком драматизирую, в этом нет никакого смысла, я просто жалкий комочек вины, жалости и отвращения к себе.

Как это произошло, спрашиваю я себя снова и снова, как я позволил этому случиться со мной? Разум лихорадочно работает. У меня и раньше бывали ломки, и я поклялся, что это никогда не повторится, что теперь я не притронусь к наркотику. Почему я снова сделал укол и втянулся в этот кошмар? И когда я начал снова, почему я не включил самоконтроль? И почему я так быстро извел последнюю упаковку? В каждой пачке по пять ампул, я должен был продержаться не меньше трех дней. И даже пять дней: из расчета одна доза каждую ночь. Ломка все равно наступила бы, но я бы знал, что у меня есть запас и он не закончится без остатка через короткое время.

Вот только моя зависимость работает не так. После укола, даже если прошло всего несколько часов, где-то глу-

боко-глубоко начинает свербить мысль: не сделать ли еще один? Красно-синяя упаковка препарата надежно спрятана, но я слышу ее зов, ее несмолкаемый шепот, разъедающий мое сопротивление. Однако даже по извращенным законам наркотического мира это не имеет смысла. Я знаю, что сделал инъекцию недавно. Я знаю врага в лицо, но это не дает мне преимуществ, и вскоре я снова принимаюсь за ритуал: поспешно закрываю двери, вынимаю ампулу, ломаю ее и набираю в шприц лекарство. Стоит мне только подумать о следующем уколе, стоит промелькнуть в голове хотя бы мгновенной мысли, как я уже не могу от нее избавиться. И все – дело почти сделано: упаковка из пяти ампул, которой хватило бы на три дня или больше, исчезает меньше чем за сутки.

Мне страшно и одиноко. Я дрожу и потею, считая минуты. Меня тошнит, но я пью столько жидкости, сколько могу, чтобы не было сушняка, чтобы притупить симптомы. Многих наркоманов во время ломки рвет фонтаном, но со мной все иначе. Правда, аппетит пропал, и, заставляя себя хоть что-то положить в рот, я не чувствую вкуса. Став наркоманом, я похудел: наркотик и абстинентный синдром убивают аппетит. Я люблю читать, но слишком рассеян, чтобы сосредоточиться. К тому же глаза сильно слезятся, и зрение затуманивается. Я выгляжу так, будто только что рыдал, да и эмоционально настолько неустойчив, что регулярно реву: от жалости к самому себе слезы так и льются. Не жалейте меня – я этого не заслуживаю, я сам о себе поплачу.

Включаю телевизор. Идет комедия, «Джордж из джунглей»², но мне не до смеха. Пытаюсь посмотреть фильм несколько минут, но устаю сидеть. Не могу держать голову прямо, резко заваливаюсь вперед. Нужно встать и походить, пока я совсем не сломался.

Иду прогуляться, чтобы отвлечься и выбросить все это из головы. К тому же движение должно ослабить симптомы, оно поможет израсходовать часть адреналина, бурлящего по всему организму и ищущего выход. Какое-то время он подавлялся из-за активации морфиновых рецепторов, но теперь дамба треснула, и он хлынул мстительным потоком, ища справедливости, желая взять реванш. За преступлением следует наказание. Я смертельно устал и еле переставляю ноги, подволакивая то одну, то другую. Сегодня прекрасный теплый день, на голубом небе сияет солнце, все ходят в футболках и летней одежде, но мне безумно холодно. Малейший ветерок доставляет дискомфорт. На мне громоздкое пальто, хотя в нем я потею. Холодный, ледяной пот струится по телу. Я все равно не могу долго оставаться на улице – вдруг опять начнется понос?

Я отребье. По кромке дороги идет отец, ведет за руки детей. Эта картинка – как удар ножа, как сгусток боли. Почему я не могу быть таким? Просто отцом с обычными интересами, обычными делами. Я же помню, как все было: про-

² «Джордж из джунглей» – семейная комедия 1997 г., режиссера С. Вайзмана. Здесь и далее, если не указано другое, примечания переводчика.

гулки, семейные пикники, дни рождения, праздники, Рождество. Воспоминания приходят откуда-то издалека, из давно утраченного мира. Я изгнал счастье, избавился от времени, когда был всем доволен. Нормальный мир окрашен в цвета радуги, а мой – тусклый и серый. Почему я не могу снова стать прежним? Как так вышло, что я потерял себя? Это мое личное хождение по мукам. Я тону, я слишком погружен в собственные страдания, чтобы думать о людях, которым я причиняю боль, – о жене, о детях. Жена называет меня «дьяволом в доме», который все равно возвращается, сколько его ни выгоняй. Наркотик встал между нами, разорвал узы, убил веру в то, что мы пара и семья, что мы будем вместе и сообща справимся с проблемами. Я предал доверие жены. Я снова и снова клялся ей перестать, говорил, что нет, я не веду себя странно, и нет, я не употреблял, и нет, с моим голосом все в порядке, и да, я завязал, и это определенно был последний раз. Но я как все наркоманы. И вы знаете, что я лгу каждый раз, когда шевелю губами.

Я злюсь, когда мою ложь подвергают сомнению, когда жена спрашивает о запачканной кровью салфетке, или хочет посмотреть на мои руки, чтобы проверить, нет ли синяков, или находит потерянную иглу или пустую ампулу. Я придумываю какую-нибудь историю: пытаюсь объяснить, что сегодня сдавал анализ крови или приложился рукой о дверцу машины, а ампула, должно быть, лежит тут уже несколько месяцев. Это звучит глупо даже в тот момент, когда я гово-

рю, но ничего другого я не могу сказать. «А как же дети? – спрашивает она. – Что, если Джек, или Кэти, или Грейси поранятся этой иглой? Как ты себя почувствуешь? Ты что, о них не думаешь?» У меня нет ответа. Я думаю, что мне не все равно, но наркотик всегда на первом месте.

Я постоянно смотрю на часы, пытаюсь поторопить время. Двое суток, твержу я себе, всего сорок восемь часов, а потом станет легче, и я буду знать, что худшее позади. Но прошло всего несколько часов, время тянется, даже секунды бесконечны. Я снова ложусь. Затем встаю, сгибаюсь пополам от боли в животе, иду на кухню попить, терплю очередной приступ диареи. Грязный и потный, принимаю ванну и постепенно согреваюсь, но слишком нервничаю из-за того, что лежу долго. Выход из теплой воды действует как шок: я мгновенно замерзаю и быстро-быстро вытираюсь насухо.

Наступает первая ночь. Я боюсь ночи. Темнота была мне другом, но теперь время простирается передо мной, и никакого облегчения, никакого оазиса – только долгий мрак.

Я обещаю себе, что это последний раз. Совершенно точно последний раз. Больше не подвергну себя подобному испытанию. На этот раз я завяжу, обещаю.

Уже десять лет я в завязке, и теперь пишу эти строки и благодарю многих прекрасных людей, помогавших мне. Когда ты борешься за свою жизнь, нужно, чтобы друзья и семья верили в тебя. И я говорю тем, кто все еще на игле: чистая

жизнь, что вас ждет, куда богаче нынешней. Вы можете стать лучше.

2. Любовь и секс

До сих пор помню, как впервые надел белый халат и повесил на шею стетоскоп. Немного похоже на первый секс, но тут я не так вспотел и меньше предохранялся, а вот насмешек от тех, кто поопытнее, было больше. Но, как говорится, je ne regrette rien³, хороший секс – отлично, но и плохой секс тоже ничего себе.

Рождественский выпуск BMJ («Британского медицинского журнала») всегда отличается оригинальностью, и в тот год редакция попросила семерых уважаемых врачей написать колонки о положительных аспектах семи смертных грехов. По какой-то неведомой причине мне досталась страсть.

Вскоре меня попросили написать раздел о сексе в книге Oxford Companion to the Body («Оксфордский справочник по телу») – и внезапно я прослыл экспертом в области секса. С тех пор избавиться от этой репутации сложновато.

³ Я ни о чем не жалею (фр.).

КАСАБЛАНКА

BMJ⁴, 11 августа 2010 г.

Столько забегаловок разбросано по всему миру, в разных городах... Но если достаточно долго смотреть на небо, размышлял я, то рано или поздно в вашем мире воссияет новая прекрасная звезда. Богарту было знакомо это чувство. Стройная и высокая, она была из тех женщин, благодаря которым начинаешь подозревать, что дефицит тестостерона – всего лишь очередная выдумка фармацевтических компаний, а не реальное заболевание.

– Вы просили заключение другого врача о миссис Мерфи, – надула она губы.

– Поехали, – сказал я.

Выезжая из города, я увидел трех отморозков, пристававших к пожилой даме в инвалидном кресле. Я прогнал их, как следует зарядив одному по уху.

– Pour encourager les autres, – пояснил я в лучшей манере Сержа Генсбура⁵.

⁴ British Medical Journal (BMJ, «Британский медицинский журнал») – еженедельный рецензируемый научный журнал, публикующий статьи в области медицины, издается с 1840 года.

⁵ Серж Генсбур (1928–1991) – французский композитор, поэт, автор песен,

– Vous parlez Français? – спросила она, отдаленно напоминая Джейн Биркин⁶, проезжающую на скутере.

– Un petit peu⁷, – скромно сказал я.

Мы ехали по залитой солнцем проселочной дороге мимо генетически модифицированных коров, и вдруг я внезапно затормозил. Прежде чем она успела возразить, я уже возвращался к машине, баюкая на руках крошечного котенка.

– Бедняжку бросили посреди дороги, – сказал я, завораживая котенка в импровизированное одеяло, а на самом деле в старый защитный костюм от свиного гриппа (у нас осталось всего несколько тысяч), – но я знаю одну маленькую девочку, которая потеряла щенка несколько недель назад, – она-то и приютит малыша.

Мы зашли в дом миссис Мерфи (к счастью, Салли – ее пышногрудой племянницы – поблизости не было, а то получилось бы неловко: ненавижу, когда женщины из-за меня дерутся), и она подтвердила мой диагноз.

– Ваш доктор был прав, – сказала она, – нет ни функционального расстройства, ни чего-то необычного, это определенно системная красная волчанка!

– Как обычно, – добавила миссис Мерфи, протягивая мне деньги, словно это была взятка. Я принял их, прикрывая ла-

сценарист и кинорежиссер. Знаковая фигура в мировой музыке.

⁶ Джейн Биркин (род. в 1946 г.) – британская актриса театра и кино, певица. Длительное время сотрудничала с Сержем Генсбуром.

⁷ Чтоб другим неповадно было. – Вы говорите по-французски? – Немного (*фр.*).

донью, и тайком сунул ей в руку антибиотики.

На обратном пути я остановился, достал мандолину и корзину с копченым лососем и шампанским.

– Сударыня, будь вечны наши жизни, кто бы стыдливость предал укоризне?⁸ – прошептал я. Ее губы по вкусу напоминали апельсины и вино, и мы занимались любовью на ложе из осенних листьев и волшебных грибов. Негромкие экстатические вскрики сопровождались мяуканьем голодного котенка.

– Ахилл мой, – с хрипотцой прошептала она, – увидимся ли мы сегодня вечером?

– Я никогда не планирую так далеко вперед, – сказал я.

– Что ты за врач? – спросила она.

– Такой же, как и любой другой, – сказал я, – только куда больше.

ЛЮБОВЬ – ЭТО СЛАБОСТЬ?

GP⁹, 17 октября 2012 г.

Мне нравится считать себя начитанным человеком, но вынужден признать, что роман «Пятьдесят оттенков серого»

⁸ Из стихотворения английского поэта Эндрю Марвелла (1621–1678) «К стыдливой возлюбленной», пер. Г. Кружкова.

⁹ GP – ведущая британская газета для врачей общей практики.

пока не занял почетное место на моей книжной полке.

Понимаю: там пишут о радостях любви, садомазохизме и сексуальных извращениях, но для подобных тем я слишком стар.

Что ж, и со мной это случалось, и я проделывал всякие штуки в пропотевшей футболке, всегда предпочитая практику теории. Я даже помню, когда впервые занимался сексом, – чек до сих пор сохранился.

Можете считать меня циником, но любовь – это слабость, способ, использовать другого человека, а не чувство, поглощающее подобно зыбучим пескам. Граучо¹⁰ в книге «День на скачках» писал: «Попросите флориста доставить розы миссис Апджон и написать “Эмили, я люблю тебя” на обратной стороне счета».

Любовь одновременно приносит неудобство и заставляет манипулировать людьми.

– Доктор, я люблю вас, – сказала она, глядя на меня сияющими глазами (хотя, может быть, они так блестели из-за наркотиков). Спешу уточнить, что это произошло много-много лет назад, когда я был молод и хорош собой. Также я должен признать, что мне нравятся молоденькие девушки, и чем моложе, тем больше, но разве что потому, что у них короче история болезни.

– А вы меня любите? – спросила она.

¹⁰ Джулиус Граучо Маркс (1890–1977) – американский актер, комик, участник труппы «Братья Маркс».

– Будучи светским гуманистом, – быстро нашелся я, не желая быть излишне резким и обидеть ее, – я верю в любовь к людям ради них самих, а не по указанию какого-то воображаемого мифического существа. Но, как вы понимаете, это глобальная проблема, и ее не следует принимать на свой счет.

– Но когда вы до меня дотронулись сейчас, я совершенно точно что-то почувствовала, – возразила она.

– Учитывая ваше давление, нельзя сказать, что этот жест был исполнен эротизма, – ответил я, приготовившись нажать кнопку вызова, но вспоминая, что мы забыли ее подключить. – Любой физический контакт необходим с медицинской точки зрения.

– Можете не скрывать свои чувства, – предложила она.

– Мадам, – сказал я. – У меня нет никаких чувств. С вашей точки зрения, я не мужчина, я – врач. Можете считать меня асексуальным роботом, чертовски привлекательным – но роботом.

– То есть между нами никогда не будет любви? – уточнила она.

– Никогда, – согласился я.

– Ладно, – сказала она. – Можете мне тогда выписать антибиотики?

– Конечно, – подтвердил я. Чувства угасли, но манипуляция осталась.

СЕКС И РАК ПРОСТАТЫ: ЧТО ОТ ВАС СКРЫВАЮТ

ГР, 10 ноября 2011 г.

– Я беспокоюсь, – заявил Джо. Джо всегда беспокоится, но иногда его беспокойство выглядит настолько забавно, что я делаю заинтересованное лицо.

– Я тут читал статью в «Дейли мейл», – сказал он. – Там пишут, что если есть более трех яиц в день, то сильно возрастает риск рака простаты.

– А, ну да, «Дейли мейл», – заметил я так, как будто бы только что что-то вспомнил. Я вел колонку в неспециализированной, как принято говорить у медиков, прессе, и знаю, что их волнует больше всего. Как правило, газетам неинтересны сухие медицинские факты о здоровье. Им нравятся заголовки, которые привлекают внимание. Эта проблема усугубляется тем, что исследователи сами отчаянно пытаются придумать такие заголовки, чтобы получить гранты и деньги на выпивку.

– Так что насчет яиц? – спросил Джо.

– У яиц всегда была плохая репутация, – сказал я. – Когда я учился в медицинском, яйца считались врагом номер

один из-за содержания холестерина. До недавнего времени Британский фонд здоровья сердца рекомендовал съедать не более трех яиц в неделю, поскольку они повышают риск инфаркта и инсульта. Они отказались от этих рекомендаций лишь в 2007 году, когда было доказано, что только очень малое количество холестерина, содержащегося в яйцах, попадает в кровь. Одни веяния сменяют другие, так что ешь с удовольствием.

– Я по-прежнему беспокоюсь, – сказал он.

– Именно для этого существуют врачи, – радостно сообщил я. – И у меня есть отличное средство от твоих тревог. Приоритет хорошего врача – повышение осведомленности пациента. Согласно докладу, опубликованному в «Британском журнале урологии», у мужчин в возрасте от 20 до 50 лет, у которых эякуляция происходит более пяти раз в неделю, в три раза ниже риск заболеть раком простаты. Конечно, этот вопрос надо исследовать дальше – мы-то знаем, что парни любят прихвастнуть, к тому же там участвовали сплошь австралийцы.

– Пять раз в неделю, – призадумался он. – Но я же не женат.

– Ну, будем честны, мы же оба с тобой мужчины опытные, – сказал я. – В мастурбации нет ничего ужасного, хотя это, конечно, не история про Ромео и Джульетту, понимаю. И, кстати, я предпочитаю термин «отдых наедине с собой».

– Отдых наедине с собой, – медленно повторил Джо. – И

что, тогда можно будет без опаски есть яйца?

– Каждый раз, когда съедаешь яйцо... – бодро отозвался я.

– Ну, если это полезно для здоровья, – сказал он так, как будто готовился к чему-то неприятному, – тогда я готов на жертвы.

Через месяц Джо вернулся. Он выглядел самодовольным, а самодовольный Джо – опасный человек. Все равно что Франкенштейн, радостно играющий с маленькой девочкой, – то есть не самый лучший момент, чтобы свет внезапно упал на его лицо.

– Ты дал мне прекрасный совет, – промурлыкал он. – Отличная тема.

– Какой именно совет? – спросил я с некоторым беспокойством.

– Ну как же? – удивился он. – Ты рекомендовал мастурбировать, или, так сказать, «отдыхать наедине с собой».

– Не припоминаю, чтобы я настаивал, – аккуратно сказал я. – По большей части речь шла о статье из «Британского журнала урологии». Не то чтобы я рекомендовал братья за дело с безумством кролика из рекламы батареек «Дюраселл».

– Это одно и то же, – сказал он. – В любом случае я обсудил это с товарищами, и они тоже начали.

То есть он признался друзьям, что мастурбирует, подумал я. Слегка перебор даже для близких отношений.

– И тогда мы подумали: вообще-то нельзя быть эгоистами

и держать информацию о таком прорыве в секрете. Это касается каждого, это важная проблема для здоровья населения. Все пишут только про рак простаты, и никто никогда не делал акцент на положительных эффектах мастурбации – простите, отдыха наедине с собой.

– Традиционно здоровый образ жизни пропагандируют в несколько пуританском ключе, – признал я.

– Это наш шанс изменить отношение к мастурбации, – пылко продолжал он. – В смысле хватит мастурбировать, или отдыхать наедине с собой, закрывшись в туалете. Никто больше не устыдит нас. Так что мы завели страницу в «Фейсбуке», начали кампанию в «Твиттере». Распространим эту информацию по всему миру! Будем ходить на демонстрации, привлечем знаменитостей, устроим спонсорский тур на Мачу-Пикчу – полный набор. И выпустим календарь с обнаженными моделями. Исключительно ради сбора средств, конечно, не то чтобы нам сильно нравилось раздеваться на публике.

– И у вас будет своя аудитория, – сказал я, с интересом подумав о том, куда это пойдет. – Если перефразировать Джорджа Бернарда Шоу, девяносто восемь процентов мужчин практикуют профилактику рака предстательной железы, а остальные два процента – лжецы.

– Вот такой у меня настрой, – заключил Джо. – Я и вправду чувствую, что могу что-то изменить, я полон энергии, я... – Готов к труду и обороне? – предложил я.

– Вот именно, – сказал он. – В моей жизни чего-то не хватало, но теперь у меня есть цель, есть за что бороться. А если я потерплю неудачу, разве мои поступки станут менее доблестными?

Ответ сам собой всплыл у меня в голове.

– Твою руку направляет Господь, – сказал я.

КОГДА ПЛОХИЕ НОВОСТИ ХОРОШИ

ГР, 30 октября 2015 г.

Я вел прием, будто гарцуя на породистом вороном скакуне. Каждый пациент был для меня куда больше, чем просто историей болезни или эпической поэмой, полной трагедий и триумфа, добра и зла, отчаяния и надежды. Все невзгоды и несчастья ложились под копыта моего могучего коня, и подковы его втапывали их в пыль.

Но тут явился Джо, и я сразу же сник. Я перестал быть героическим борцом. Теперь меня окружало болото отчаяния: плаксивые дети, брюзгливые старики, больничные листы, справки, антибиотики, снотворные таблетки, а посреди всего этого я, старый обманутый рыцарь верхом на траченном молю Росинанте.

Джо действует на меня так, что любое самое прекрасное

утро превращается в отстой, словно облака вмиг закрыли солнце. Такое же чувство испытываешь, когда включаешь канал «Скай спортс», а там прямая трансляция матча «Вест Бромвич Альбион» со «Сток Сити». Обычно мы с Джо лучше всего ладим, когда ни один из нас не слушает все, что говорит другой.

Но даже в безлунную ночь на небе можно увидеть звезды: Джо решил, что у него дизурия, которая вообще-то редко бывает у молодых мужчин. Это меня позабавило больше, чем его обычные жалобы, а также подробный жутковатый дневник, где он вел учет своих испражнений вплоть до консистенции, формы, периодичности и цвета.

Тщательный, но деликатный допрос (а все потому, что иногда я хороший врач) показал (при помощи обычных эвфемизмов), что у Джо был незащищенный секс, причем не тот, что происходит с самим собой, а с настоящим живым человеком, с женщиной.

Однако, несмотря на мое удивление, отвращение и восхищение, я послушно исполнял врачебный долг.

– Джо, ты идиот, – мягко прервал я приятеля. – У тебя болезнь, передающаяся половым путем.

Большинство людей не сочли бы эту новость хорошей, но образ жизни Джо, в котором доминировала мать, был настолько уныл, и в его жизни новизна присутствовала так катастрофически редко, что нет худа без добра.

– Что, правда? – спросил он (неужели у него на глазах вы-

ступили слезы?). – Черт возьми, жду не дождусь, когда смогу написать об этом в «Твиттере».

Для Джо это было подтверждением, доказательством, своего рода справкой, в которой говорилось: «Вы занимались сексуальной деятельностью и, следовательно, не так уж безнадёжно отталкиваете от себя людей».

Тот неловкий момент, когда ЗППП становится самым ярким моментом вашей жизни...

БУДЬ МУЖИКОМ И ДЕЙСТВУЙ ПО ПРАВИЛАМ

GR, 2 ноября 2012 г.

Кабинет терапевта – это церковь без догм. Здесь найдется место каждому, независимо от формы тела, вида или характера.

Обычно это на руку нашим пациентам, так как дает им выбор. Если они хотят хорошо провести время за неторопливым разговором, как будто бы до пятницы совершенно свободны, они предпочтут встретиться с моим коллегой. Если же нужно разделаться со всем побыстрее – им ко мне. Дело не в том, что я кого-то подгоняю, нет, просто мне не терпится увидеть следующего пациента.

То же самое относится и к сексуальности: в доме Отца Моего обителей много. Я сам скорее гетеросексуал, но это не точно. Когда я был молод, красив и любил экспериментировать, за мной усвистывали несколько казаков¹¹, и я смутно припоминаю кого-то длинноволосого в Вудстоке. Мне повезло иметь тот тип тела, который нравится обоим полам.

Однако наша структура отнюдь не столь гибка. Одного из старших членов преподавательского состава Королевского колледжа врачей общей практики недавно раскритиковали за то, что он советовал кандидатам вести себя «менее гомосексуально» при сдаче экзамена: понизить голос, выпрямиться, причесаться, ходить, как Джон Уэйн¹², и говорить как простые люди.

Думаю, зря его так разнесли: он просто хотел дать полезные рекомендации. Высшие эшелоны медицины никогда не славились либеральными тенденциями, и, когда мы молоды и уязвимы, приходится соблюдать правила игры. Если это означает, что нужно на несколько часов прикинуться обывателем, это не такая уж большая жертва. Вот когда наконец пройдем через золотые ворота – тогда и оттянемся, детка.

Но в нашей все более неоднородной профессии есть неко-

¹¹ Цитата из фильма Вуди Аллена «Любовь и смерть» (1975): произнося эту фразу, герой хочет доказать, что он не гомосексуален.

¹² Джон Уэйн (1907–1979) – американский актер, лауреат премий «Оскар» и «Золотой глобус», «король вестерна».

торая путаница. Недавно один молодой коллега познакомил меня со своим «партнером», что показалось мне довольно двусмысленным.

– Вы вместе работаете или спите? – пришлось уточнить мне. Люблю ясность, с ней меньше шансов случайно оскорбить кого-то. К тому же от преднамеренного оскорбления получаешь куда больше удовольствия.

– И то и другое, – сказали коллеги и интимно ухмыльнулись друг другу. – Мы любим «поработать» пару раз в день.

И ладно, и нормально. Мне всегда нравится думать, что я на одной волне с нынешним молодняком, а еще я считаю, что сексуальность должна оставаться частным делом. За закрытыми дверями. Только я и тысячи людей в интернете.

УЛИСС

BMJ, 11 февраля 2009 г.

Я становился все более и более замкнутым, хотя и понимал, что у Пеле и Стирлинга Мосса¹³ наверняка были свои причины жить так, как они жили.

Все эти ненавязчивые объявления, сфокусированные на

¹³ Пеле (род. в 1940 г.) – бразильский футболист, «король футбола». Стирлинг Мосс (1929–2020) – британский автогонщик, пилот «Формулы-1».

том, что застенчиво называют проблемами интимности, – на них я мог только жадно смотреть, зная, что никогда не стану частью блаженной утопии, где хорошо сохранившиеся, красивые пары мечтательно любят закатом, частью этакого Элизиума¹⁴, где секс никогда не бывает низменным, а заднее сиденье – грязным.

Музыкальный фургон, полный бездельников – представителей западного декаданса, – набирал ход, пьяная солдатня дрыхла в казармах, а я все больше и больше уходил в подполье, тоскуя по спокойным, старым добрым временам, эпохе прерафаэлитской невинности, когда я был счастливым похотливым парнем, то и дело беспечно оставлявшим за собой *droit de seigneur*¹⁵, как и положено молодому представителю нашей древней аристократической профессии.

Но мне все равно было этого не избежать. Журнал Men's Health постоянно находился у меня перед глазами, и, как любая уважающая себя кампания по информированию о болезнях, эта финансировалась и безудержно продвигалась фармацевтической промышленностью. Загляните в любое издание или на симпозиум, посвященный мужскому здоровью, и рано или поздно там всплывет статья об эректильной дисфункции – со скромной сноской, что одна из фармацевтических компаний спонсирует данный журнал или симпозиум.

¹⁴ Аллюзия на научно-фантастический фильм Нила Бломкампа «Элизиум – рай не на земле» (2013).

¹⁵ Право первой ночи (*фр.*).

Для них мужское здоровье – все равно что троянский конь, под прикрытием которого они сбывают свою несомненно эффективную (как уверяют) продукцию.

Женское здоровье многогранно и имеет множество нюансов: заболевания молочной железы, остеопороз, расстройство в период менопаузы, важность образа жизни и вопросы ее качества, включая искусство и литературу, стремление к счастью и понимание красоты и хрупкости Вселенной.

Мужское здоровье с точностью до наоборот представляется грубым и оскорбительным в своей простоте. Только и проблем, заводит Ирментруда¹⁶ или уже нет. Словосочетание «мужское здоровье» стало синонимом эректильной дисфункции. Все остальное лишь дымовая завеса, ничто другое не имеет значения, только это нас и волнует. Унизительный стереотип сводит безграничную человеческую природу к самому примитивному влечению, строго по Дарвину.

Но, как сказал Ричард Гордон, подводя дареного коня к воде, в задницу ему не смотрят. Конь уже за стеной, и Улисс, Диомед, Виагра, Левитра и Сиалис бесчинствуют в городе, насилая женщин, разрушая храмы Аполлона, обрушивая огонь на величественный Пергамон и низвергая самые высокие башни Илиона.

И безжалостно подрывая уверенность мужчин.

¹⁶ Ирментруда Орлеанская – в IX в. супруга западно-франкского короля Карла II Лысого, который и после свадьбы с ней продолжал сожительствовать с прежней любовницей Ришильдой, сестрой прованского монарха.

П – ПОХОТЬ

BMJ, 21 декабря 1996 г.

Вы не найдете упоминания похоти в библиографическом справочнике Index Medicus или базе данных Medline. Мы, медики, делаем вид, что самой мощной и наиболее древней силы просто не существует, хотя наши коллеги, духовенство, считают ее самым страшным из всех смертных грехов.

Что же тогда такое похоть? Как всякий порядочный ирландец, содрогающийся от подсознательного католического комплекса вины и викторианской чопорности, я интерпретирую похоть как ничем не сдерживаемое сексуальное желание, а не как какую-то расплывчатую ваноговскую жажду жизни вообще. Как ликующе верещала Дженни – Малина в «Трехгрошовой опере» Брехта, «он хочет иль не хочет – он готов. Таков уж плоти полновластный зов»¹⁷. По правде говоря, животные инстинкты практически не оставляют нам выбора: мы должны видеть, что наши потомки процветают, а гены обретают бессмертие.

Но мать-природа проявила своенравную доброту и наградила нас этим непреодолимым чувством, сопровождающим-

¹⁷ Перевод Соломона Апта. *Прим. ред.*

ся блеском в глазах. Размножение – это весело, очень весело, хотя археологи теперь говорят, что за последние несколько миллионов лет люди сознательно разделили понятия «секс» и «размножение». К счастью, секс, даже без размножения, – это по-прежнему здорово. Даже если это плохой секс.

Похоть побуждает нас творить, достигать, лезть из кожи вон, чтобы стать привлекательнее, и неважно, какими средствами. Большая блестящая машина, нежнейшая любовная поэма или прихотливость ар-нуво – дело вкуса, но все это способы разгладить перья и распуścić хвост. Но в нашем Эдеме есть змей. Это змей социокультурных моделей, загоняющий пышную творческую силу в узкие рамки моногамии и бесплодия.

Представьте себе, что вы гоните по автострате на «порше» и вдруг въезжаете в зону ограничения скорости до пятидесяти километров в час. И как насчет того, чтобы удерживать шесть тонн пульсирующей лошадиной силы между ног? Представляете, как это остудит ваш пыл?

Какой печальный контраст со счастливой сексуальностью других млекопитающих, где секс зависит только от доступности самки! Исследования показывают, что несчастная женщина, занимающаяся сексом без эмоциональной вовлеченности, чувствует себя уязвимой, и эта уязвимость возрастает с увеличением числа партнеров. Кроется ли истинная причина в нашем обществе и унаследованных от него сексуальной ограниченности и двусмысленной морали?

Тем не менее даже у неудовлетворенной похоти есть свои положительные стороны. Йейтс, которому тогда было всего двадцать три года, безответно влюбился в Мод Гонн, и этими сердечными муками вдохновлена величайшая любовная лирика, когда-либо созданная на английском языке. В его стихах – тоска, разорение, горе, метания между меланхолией и отчаянием:

Предстала дева предо мной,
Светясь, как яблоневый цвет,
Окликнула – и скрылась прочь,
В прозрачный канула рассвет¹⁸.

Разве эти возвышенные незабываемые строки появились бы, случись в самом начале их отношений пара-тройка бодрых перепихонов? Как сказал Бальзак (впоследствии), «грядет еще один великий роман».

¹⁸ Из стихотворения «Песня скитальца Энгуса» ирландского поэта Уильяма Батлера Йейтса (1865–1939), пер. Г. Кружкова. Мод Гонн (1866–1953) – британская революционерка, феминистка, актриса.

МОЯ РОЛЕВАЯ МОДЕЛЬ

ВМЖ, 20 июня 1998 г.

Среди нас нет святых, и все тут. Только напускная разборчивость и сдержанность отделяют нас от безудержного стремления удовлетворять самые корыстные желания и примитивные побуждения: есть, выживать, заниматься сексом, размножаться, обеспечивать передачу своих генов.

Драки, пьянство, азартные игры, мародерство. Мораль эфемерна: в другой культурной среде те же действия восприняли бы с нескрываемым восхищением. Хорошо относиться друг к другу – всего лишь современная причуда, но где-то в глубине души мы агрессивны и жестоки, у нас есть зубы и когти, равно как и другие более чувствительные части тела.

Одно из величайших и безусловно древних мужских удовольствий – утереть другому парню нос и отбить у него девушку, желательно публично, а потом бахвалиться перед приятелями. Этот факт и сам по себе радует, а пересказ – вишенка на торте. Признайтесь, ребята, разве это не приятно? Еще один способ застолбить свой кусок земли, показать, какие мы крутые и жесткие.

Возможно, ролевой моделью для многих из нас случайно

стал доктор Фитцпирс, сельский врач из романа Томаса Гарди «В краю лесов», повлияв на наш подсознательный выбор профессии. Старина Джайлс Уинтерборн, бедный деревенщина, трудяга с мозолистыми руками, влюблен в дочь хозяйина – Грейс Мелбери. Она училась в пансионе, хотя учеба эта была ей не по чину, но выбившийся в люди из лесорубов отец расстарался. Грейс, кажется, тоже любит Джайлса – правда, покровительственно, точно преданного щенка. И тут приезжает Фитцпирс, в котором сочетаются цинизм и высокомерие, одновременно отталкивающие и привлекающие ее. Как говорится, хорошим девушкам нравятся плохие парни и более того – плохие доктора, хотя в наши дни Фитцпирса лишили бы лицензии быстрее, чем вы произнесете «Джуд Незаметный»¹⁹.

«И при чем тут любовь?» – сказал бы Фитцпирс с ухмылкой до ушей, спеша на свидание с хозяйкой поместья миссис Чармонд после того, как насладился прелестями деревенской девицы Сьюк Дэмсон.

Есть у нас и другие склонности, которые, как правило, осуждаются, но в нашем обществе неотделимы от стремления к успеху и процветанию. Когда я был бедным врачом, я ненавидел богатых врачей. Ненавидел их роскошные костюмы и шелковые галстуки, их огромные блестящие автомобили, их самодовольство и высокомерие, их теннисные клубы

¹⁹ Название последнего романа английского писателя Томаса Гарди (1840–1928).

и способность почти не потеть.

Но став богатым доктором – имеется в виду, богатым по сравнению с прежним уровнем, – я развернулся на сто восемьдесят градусов и начал ненавидеть бедных докторов, ненавидеть их потрепанные костюмы, их обшарпанные старые машины и особенно их идеализм и энтузиазм. Жадность и скупость – что бы мы без них делали?

Классическая ирландская история успеха, что уж тут.

Примечание: посвящается Кирану Коннолли – моему другу и ролевой модели (вот как я здорово выкрутился).

КРАСАВИЦЫ ИЗ ФАРМЫ

GP, 20 марта 2015 г.

Первый закон Фаррелла (непреложный): на любой фотографии с медицинского мероприятия самые привлекательные люди – это представители фармацевтических компаний.

Сердце всегда работает без остановки. В отличие от мозга, печени или почек, которые время от времени засыпают, хотя никто этого не замечает, сердце не прекращает биться ни на минуту. Никаких перерывов на кофе с пончиком или перекуров. И оно всегда очень уязвимо.

Мы с вождением смотрели друг на друга. Вот он, Тот Самый Момент, подумал я. Задержись в нем, наслаждайся каждой секундой. В нем фанфары, цветы, ясное утро, богато убранные постели, пение птиц и голубое небо. Это момент, о котором определенно стоит поведать миру в «Твиттере». Некстати замечу, что уже давно ни с кем не спал. Податливая плоть и горячая испанская кровь... по-настоящему понять меня вы можете, только если у вас есть простата.

У нее были такие высокие скулы, что туда, должно быть, закачали цистерну кислорода. Красота может быть всего лишь поверхностной, и знаете – мне этого достаточно. Я и сам-то не слишком глубок, что уж. Поэтому все сложилось, чтобы между нами возникли ни к чему не обязывающие отношения. Как подметил Фридрих Гельдерлин, поминая платоновский диалог Сократа и Алкивиада, «к прекрасному склонен на своем закате мудрец»²⁰.

«Я бы мчался с тобой впереди ветра, – хотелось мне сказать ей, – по волнам клокочущего прилива, танцевал бы на горах, как пламя».

Но красота может быть опасна, как огонь. Что толку в мечтах, если их нельзя разрушить? Что толку в сердце, если его нельзя разбить? Зажигая свечу, вы тут же отбрасываете тень.

Она глянула на меня и сказала:

– Хотите, я расскажу вам о нашем новом нестероидном

²⁰ Из стихотворения немецкого поэта Фридриха Гёльдерлина (1770–1843) «Сократ и Алкивиад», пер. В. Куприянова. *Прим. ред.*

противовоспалительном препарате?

3. Рождение и семья

Друзей можно выбирать, но с родственниками вы обречены: они с вами и в горе и в радости – это я усвоил с пеленок. У нас было громадное семейство, состав которого то и дело менялся: новые люди рождались, даже когда мы теряли более неуклюжих старых из-за всяких несчастных случаев, как в игре «Рога и копыта».

В частности, у меня имелось множество религиозно фанатичных тетюшек. Это можно было бы считать недостатком, однако, перефразируя выдающегося психиатра Фрейзера Крейна²¹, если вы не можете смеяться над своей семьей, зачем она вообще нужна?

НЕ СМЕШНО?

ВМЖ, 27 мая 1995 г.

В родильном отделении, как обычно, происходило все и сразу: медленное течение процесса при ягодичном предлежании; женщина с ногами в стременах кресла – роды уже не первые; раздраженная медсестра держит ее за руку; повсюду

²¹ Главный герой американского комедийного сериала «Фрейзер» (1993–2004).

разбрызганы кровь, пот, слезы, околоплодная жидкость, меконий и другие менее полезные для здоровья выделения.

Моим коллегой был высокий обаятельный австралиец, которому без особых усилий удавалось быть красавцем. Мы ждали, хотя рабочий день уже закончился. Нас очень беспокоило состояние ребенка, и мы едва не запаниковали, но внезапно клиническая картина улучшилась, и кризис, похоже, миновал. Убедившись, что ягодицы младенца вот-вот должны опуститься, мы оба испустили глубокий вздох облегчения.

– Вы уже видите моего ребенка? – крикнула роженица медсестре.

– Нет, – успокаивающе ответила она, – но врач видит.

– Не волнуйтесь, – бодро сказал мой друг с улыбкой, которую он, очевидно, считал обезоруживающей. – Я вижу, что малыш идет. Такой прелестный маленький зад, – он сделал паузу и подмигнул мне. – Совсем как у вас, мэм.

Рассказ почти правдивый, и тогда он казался забавным, но сейчас представляется не слишком-то смешным. Однако все мы все знаем истории и похуже, слишком унылые, чтобы даже заикаться об их публикации. И кажется, нет такого понятия, как запретная тема. Чем острее боль, чем мрачнее исход, тем чернее юмор. Чем тяжелее испытания, чем больше времени прошло, чем сильнее измучены и чем менее опытные врачи, тем с большим удовольствием пересказываются подобные сюжеты.

Но почему для представителей профессии, которая считается помогающей, характерна такая *чудинка*? Юмор, несомненно, одна из самых непонятных сторон человеческого существа. Какая у него цель? Какой генный драйв намертво закрепил его в нашем геноме? Должно быть, с точки зрения борьбы за выживание есть какая-то особая ценность в том, чтобы воспринимать мир комически. Юмор – растение, удобряемое невзгодами.

Мы, медработники, ежедневно балансируем между нормальностью с одной стороны и трагедией – с другой, и один из способов справиться с частыми катастрофами – это обезоружить их, превратив в объект насмешек. Комедия – способ демистифицировать то, чего мы боимся и не понимаем. Было бы странно пугаться того, что вызывает смех. В конце концов комедия и трагедия настолько далеки друг от друга, что если нетрадиционные теории о строении Вселенной верны, то они практически соседи.

Медицинский юмор помогает нам переносить невыносимое. Каждый человек скорбит по-своему. Если в наше время взрослому мужчине не зазорно плакать, ему и посмеяться не грех.

ДАЙТЕ РЕБЕНКУ ШАНС

GR, 4 ноября 2010 г.

Бывают мудреные имена. У Терри Праттчета есть история о довольно набожных, но бестолковых родителях, которые немного перепутали добродетели и семь смертных грехов, и это отразилось на именах их детей, которых звали Вера, Надежда и Скот²². И просто для того, чтобы показать, насколько обманчивыми могут быть ярлыки, скажу, что Скот Возчик был очень добр к животным.

— Сколько исполнилось вашей крохе? — спросил я. Я специально использовал обобщающее слово, потому что не знал, мальчик это или девочка, а предполагается, что семейный доктор должен разбираться в таких вещах. Обычно есть какие-то подсказки: например, мальчиков одевают в голубое, а девочек — в розовое, но этот малыш был в костюмчике нейтрального цвета, ярко-желтом, как у бабочки-капустницы. Однако время дает ответы на все вопросы, а опытный врач терпелив, наблюдателен и распознает даже самые тонкие намеки.

²² Речь идет о повести Терри Праттчета «Дамы и господа» из цикла «Плоский мир».

– Ей сегодня две недели, – с гордостью раскрыла тайну мать.

– Ну до чего же прелестная малышка. А как вы ее назвали? – спросил я, стараясь компенсировать первоначальное замешательство и поэтому нарочно напирая на слова женского рода. – Вот, например, Мэри-Кейт – хорошее имя, в честь бабушки по отцовской линии, той самой, что отмутила Флоренс Найтингейл²³

²³ Флоренс Найтингейл (1820–1910) – британский общественный деятель, сестра милосердия. В период Крымской войны работала на фронте в полевых госпиталях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.